

Влас Михайлович Дорошевич

**«Не было ни гроша, да
вдруг алтын»**

Влас Дорошевич
**«Не было ни гроша,
да вдруг алтын»**

«Public Domain»

1903

Дорошевич В. М.

«Не было ни гроша, да вдруг алтын» / В. М. Дорошевич —
«Public Domain», 1903

«На самом краю Москвы, в лачуге, живет старик, отставной чиновник Крутицкий. Он ходит по папертям просить милостыню и посылает нищенствовать жену и племянницу. В доме у Крутицкого пьют, вместо чаю, липовый цвет. А вместо сахара служит изюм, который старик подобрал около лавочки. И когда Крутицкий умирает, – в его шинели находят зашитыми в поле сто тысяч...»

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Влас Михайлович Дорошевич «Не было ни гроша, да вдруг алтын»¹²

* * *

На самом краю Москвы, в лачуге, живет старик, отставной чиновник Крутицкий. Он ходит по папертям просить милостыню и посылает нищенствовать жену и племянницу.

В доме у Крутицкого пьют, вместо чаю, липовый цвет. А вместо сахара служит изюм, который старик подобрал около лавочки.

И когда Крутицкий умирает, – в его шинели находят зашитыми в поле сто тысяч. Да под полом на сто тысяч драгоценностей.

Старый скряга занимался ростовщичеством. Давал сто рублей займы, а через три года эти сто рублей вырастали в семь тысяч.

Г-н Правдин полагает, что все это слабоумие.

Блуждающая, жалкая, бессмысленная улыбка. То, что психиатры называют – «спотыкающаяся» речь. Впечатление «блаженненького».

Знаменитый психиатр, сидевший на спектакле в первом ряду, быть может, и нашел, что внешние признаки слабоумия переданы верно и хорошо. Но Островский вряд ли нашел бы, что г. Правдин изображал то лицо, которое он, Островский, написал.

Пьеса написана в те старые времена, когда сцена не превращалась в клиники. Как ни уродливы, как ни ужасны типы, выведенные Островским на подмостки, но во всех этих алкоголиках, нравственно тупых, жестоких людях, скрягах, – Островский искал и выводил «живую душу». А душа психически больного – душа мертвая. С ней литературе, – литературе общей, а не медицинской – делать нечего.

Если скряжничество есть только вид слабоумия, – тогда и мольеровскому Гарпагону, и пушкинскому Скупому рыцарю – место в психиатрических клиниках, а не на сцене. Тогда и страницы «Мертвых душ» о Плюшкине – только психиатрический этюд.

Слабоумный Крутицкий, у г. Правдина, только жалок.

А между тем, посмотрите, каким ужасом веет от старого ростовщика у Островского.

Он задавил в своей жене все человеческое. Даже самое острое из человеческих чувств – стыд. Ей больше не стыдно никаких унижений. Не стыдно ходить в солдатской шинели. Она любит даже эту шинель за то, что та ее греет.

– Человеку надо только, чтобы ему было тепло и было, что кушать.

Это «кушать»... «кушать»... «кушать» без конца проходит в роли Анны Тихоновны.

Крутицкий пыткам подвергает жену и племянницу, посылая их побираться у купцов.

Крутицкий доводит племянницу до того, что та продается.

Молодого человека, который попал ему в лапы, доводит до того, что тот, любя другую, готов продать себя богатой невесте.

Петровича, им обобранного, он чуть не доводит до убийства.

Этот старик вынимает из людей душу, доводит их до гибели, до падения, до преступления. Это – страшный человек.

Крутицкий зол. С какой радостью он подготавливает вора ловушку.

– Мне один сыщик говорил, что никогда не надо торопиться. А то вор на суде отвертится. Надо дать вору время, и схватить его с поличным...

Он жесток и холоден, как убийца, как палач:

– Дать им время, чтобы с поличным, – Анну убьют. Ну, что ж! Это смерть все равно, что мученическая...

Он до кровожадности жесток. До «фунта человеческого мяса».

Дело происходит в то время, когда «татей» наказывали «торговой казнью».³

Тем страшным кнутом, который вырезал «ремни» из спины. Тем кнутом, которые, когда их отменили, приказано было зарыть в землю, чтоб «и самой страшной памяти об оных не осталось».

Послушайте, с какой нежностью говорит Крутицкий о «торговой казни».

– Кнутиком их! Кнутиком!..

Он ни разу не называет грубо: кнут. Всегда нежно: кнутик. Какое-то сладострастие мучительства.

Такой человек только жалок?

В литературе мы имеем два классических типа скряг. Плюшкин и Скупой рыцарь. Первый жалок и смешон, от второго веет ужасом. Это два полюса. Крутицкий, как и Гарпагон, занимает место между тем и другим. Островский хотел написать русского Гарпагона. У Крутицкого есть чисто гарпагоновская сцена. Крутицкий и Гарпагон и жалки, и страшны в одно и то же время. Только что в ваше сердце закралась жалость, – как от типа повеяло ужасом.

Изобразив Крутицкого только жалким, несчастным, «блаженненьким», г. Правдин не выполнил намерений автора. И вся трагедия пропала.

Потому что это трагедия, как трагедия «Шейлок»⁴, хотя и пьеса о Крутицком у Островского, как и «Шейлок» у Шекспира, названа «комедией».

Трагедия пропала.

³ ...«татей» наказывали «торговой казнью». – *Тать* – вор, «торговая казнь» – битье кнутом на площади.

⁴ ...как трагедия «Шейлок»... – Имеется в виду пьеса В. Шекспира «Венецианский купец» (1596).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.